

Марина Цветаева и ее адресаты

поэма

Ты была буревестной и горевестной,
Обезуме-безудержной и неуместной.
Твои песни и плачи росли не из сора –
Из вселенского хаоса, моря, простора!

В эмпиреях парящей, палящей, природной,
Просторечьем речей – плоть от плоти народной,
Ты в отечестве, не признававшем пророка,
Обитала отшельницей, подданной рока.

Ты писала отчаянно и бесполезно
По любимому адресу: в прорву и бездну.
Я люблю твою душу, души в ней не чаю.
Я сквозь годы сквозь слёзы тебе отвечаю.

***

Певческим горлом, речью без пауз
Через тебя разговаривал хаос.
Пеной морской первозданно дыша,
Музыкой слова рождалась душа.

Жизнь разыграла свою как по нотам,
Тяготам вверясь её и темнотам.
Княжеством слова и царствием снов
Ты овладела до самых основ.

Люди судили с своей колокольни,
Не понимая, как тебе больно.
Ты же была на высокой своей,
Там наполняясь вселенною всей.

Равенство дара души и глагола.
Всё на виду – беззащитно и голо.
Радость – сверх меры, мучение – всласть.
Не виновата – такой родилась!

Некомфортабельна, бескомпромиссна,
Ты – воплощение высшего смысла.
Божий ребёнок в мире людей,
В мире, какого не знали лютей.

***

Любила всей собою,
Ласкаясь, как река,
Как яростное море
Объемлет берега.

Но камню поцелуи –
Что мёртвому – интим.
Исход был неминуем.
Финал неотвратим.

Остынув и отхлынув,
Ты оставляла пляж,
Холодный и пустынный,
Бездушный, как муляж.

***

Товар души не пользовался спросом.
Зверь убежал от щедрого ловца.
Сердечный жар встречаем был морозом,
И домом были лбы, а не сердца.

Но, не страшась облома и курьёза,
Любила наобум и напролом.
Того, кто предпочёл бы ей берёзу –
Не встретила, не обняла крылом.

***

Ей нравились чёрт и волк,
Эола крутые вихри.
Хоть кудри вились, как шёлк,
Но глаз был пантерин, тигрин.

На бой вызывала зло,
Бравировала грехами.
Когда в любви не везло –
Отыгрывалась стихами.

***

Из небытия, из небыли
Творила она людей.
Те в жизни такими не были.
Что им до её затей?

Лавиной своей безмерности
Она их сметала в прах.
Попытки любви и ревности
Устало терпели крах.

Земного бы ей уклада бы,
Чем так высоко парить...
Но пуще неволи надобна –
Раздать себя, раздарить.

Чтоб снова волной запениться
О чей-то гранит колен
И вспыхивать птицей Фениксом,
Навек побеждая тлен.

***

Она была приметой века,
Безмерней всех его мерил.
Бог по ошибке человеком
Её однажды сотворил.

Сродни стихиям и лавинам,
Творя свой ад, растя свой сад,
Всё дальше, всё непоправимей
Переселялась в небеса.

Ей расстоянья – не преграды.
Она любила вопреки.
Ей письма заменяли взгляды,
Прикосновения руки.

Ни женской хитрости, ни шарма –
Богиням это ни к чему.
Она не отмеряла шага,
Летя над пропастью во тьму.

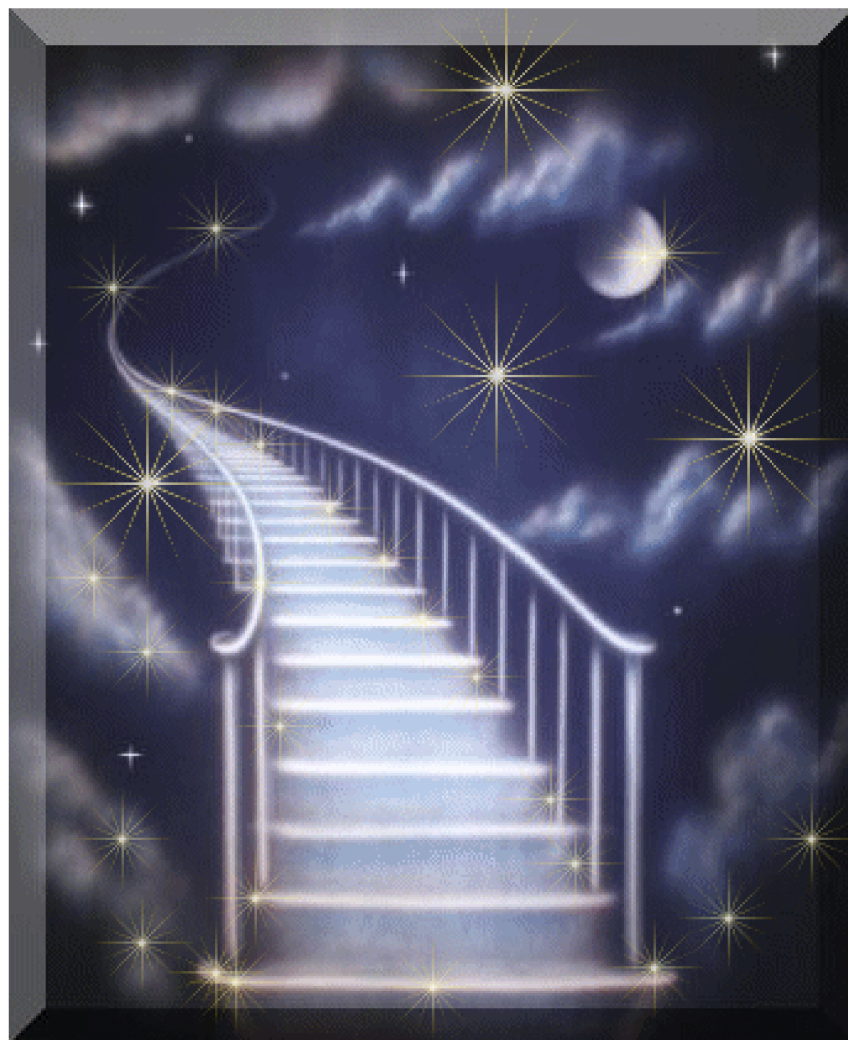
И в никуда из ниоткуда
Летела, возрождаясь вновь,
Её заоблачное чудо –
Её заочная любовь.

Идиллии не выносила.
Рвалась из жизни, как из жил.
Какая неземная сила,
Какой ей демон ворожил?

Непознаваемое Канта,
Бескрайней неба и морей...
Петрарка меркнет, блёкнет Данте
Пред этим пиром эмпирей.

Палящих губ и рук касанья
Ей заменяло, грея кровь,
Души полярное сиянье –
Эпистолярная любовь.

***

Любовь её – не то, что вхоже
В такой-то дом в такой-то час,
А выхождение из кожи,
Что рвётся, корчась и лучась.

Рука от нежности избытка
Не в силах удержать перо.
И длится сладостная пытка,
И приближается к зеро...

Пётр Эфрон

Морщинки смеха возле длинных глаз,
Высокий лоб и щёк сухая впалость.
Какая нежность в сердце разлилась!
Любовь была синоним слова «жалость».

Она не изменяла, не лгала –
Волной тепла и света накрывала.
Пусть «Пётр» – это «камень» и «скала», –
Она нежнее имени не знала.

Любила безгранично, всей собой,
Одной любовью – музыку, берёзу,

Стихи и вечер дымно-голубой,
И мужа, и свои ночные грёзы.

Пришли неповторимые слова.
Он первым был, кого поцеловала
После Сергея... И была права
Всей правотой безудержного шквала.

Она могла, она умела сметь,
Всю душу отдавая на закланье.
Любовь её не победила смерть.
И это было первое посланье,

Познавшее великую тщету –
Письмо в пространство, в вечность, в пустоту.

Осип Мандельштам

Державные, воспитанные строфы
Не сочетались с обликом певца,
Не знавшего ещё своей голгофы,
Весёлого враля и гордеца.

Заносчивый, беспечный лебедёнок
С ресницами густыми в полщеки,
Вниманием красавиц обойдённый.
Она в огонь швыряет сердце: жги!

И мечется оно, как детский мячик,
Чтобы судьба им наигралась власть.
«Божественный десятилетний мальчик»
Узнал впервые, что такое страсть.

О, как она парила окрылённо,
Дарила всё, что встретит на пути.
Лукавый отрок, серафим, орлёнок...
И, клетку сердца распахнув, – лети!

Александр Блок

А встречи не было. Биографы не числят
Её в ряду цветаевских потерь.
Но не в земном, не в ординарном смысле
Она была, и даже есть теперь.

Её обычным не увидеть зреньем.
Над бездной лет протянуты мосты.
Она в ином, четвёртом измеренье,
Где область чувств находится шестых.

Орфей, сын Бога, существо из мифа,
Бесплотный призрак, снеговой певец,
Не узанный в грязи погрявшим миром,
В страданиях затихший наконец.

В полёт ушедший ангел, небожитель,
На запад солнца устремив крыла.
Не смерть – его природная обитель –
Жизнь на земле случайностью была.

Не потянулась вслед ему руками
И не сошлась рука с его рукой.
«А если б встретились – он не за облаками,
А был бы здесь», – промолвила с тоской.

Мели над миром синие метели,
Капли пробуждали ото сна.
Ах, если б знать, в какой он колыбели
Сейчас лежит, ах, если б только знать...

Никодим Плуцер-Сарна

«Даниил», «Фортуна», «Казанова» –
Все они навеяны одним.
Узколицый, смуглый, чернобровый.
Плуцер-Сарна, имя – Никодим.

Чем же вдохновил, каким обманом
Тот авантюрист и супермен
На «Любви старинные туманы»,
«Дон-Жуана», бурную «Кармен»?

Запах, запах смуглой той сигары...
Ночь Монако виделась ей в нём.
Роскошь страсти, каторжная кара
И окно бессонное с огнём.

«Лишь ему под силу было это, –
Вспоминала, голову клоня, –
Полюбить не женщину, – поэта,
Вещь такую трудную – меня».

Даже ей, с судьбой степного волка,
Нужно было знать, что всё же был
Кто-то, кто хотя бы ненадолго,
Но по-настоящему любил.

Юрий Завадский

Нечеловечий рост. Красив, как бес.
Всё в нём – особенного сорта.
Святой Антоний, что сошёл с небес,
Чтоб воскрешать людей из мёртвых.

Таким она увидела его
На сцене в пьесе Метерлинка.
Убожество ее и божество.
Неуловимая подлинка

Змеилась в уголках прелестных губ.
Холодноватая улыбка.
Глаза Нарцисса, что влекут и лгут,
Мерцающая призрачно и зыбко.

Комедиант, кутила, лицедей!
Тщеславие и вероломство.
Когда ещё увидишь среди людей
Такого ангельского монстра.

В её стихах ни раньше, ни потом
Весёлости такой не встретить.
Но лёгкая любовь с большим трудом
Давалась ей всегда на свете.

Грешок грошовый, юноша, плейбой!
Смешались в чувстве по призванию
Влюблённость и насмешка над собой,
Презрение и любованье.

Николай Вышеславцев

Николай Вышеславцев. Художник и график.
Широко образован, учён и умён.
Чем таким он Марине душевно потрафил,
Что включён был в созвездие прочих имён?

А ничем. Не его была вовсе заслуга
В том, что билось, томило её и влекло.
Просто страх, что укроет их вечности выюга,
Что немного – и тело уже отцвело.

Но не счастье ждало, а его лишь личина.
Царь-девице найдётся ли кто-то под стать?
Худосочное жалкое сердце мужчины
Было каменным и не умело летать.

Остывал на костре приготовленный ужин.
Ведь вчера ещё только в глаза ей глядел!
А сегодня косится, и ужин не нужен,
И душе обозначен смертельный предел.

Оскорблённая гордость сердечного пыла.
Защищалась от слов, как ударов в лицо.
И была неподсудна, поскольку любила, –
Значит, чище чернящих её подлецов.

А портрет, что с Марины напишет художник, –
Тяжело на него и тревожно смотреть.
В том лице, искажённом мучительной дрожью,
Одиночество, горе, страданье и смерть.

Евгений Ланн

Казалось, он судьбой ей дан,
Как ангел с мощными крылами.
«Евгений Ланн! Евгений Ланн!» –
Звенело в ней колоколами.

В его чертах дышала страсть.
Он был похож на Паганини.
Полуулыбки злая сласть,
Порывистость летящих линий.

Орлиный нос и жёсткость глаз.
Разлёт волос подобен крыльям.
Вновь в небесах открылся лаз
Благодаря её усильям.

Прообраз Красного Коня,
Мужское воплощенье Музы.
Он реял пламенем огня,
Свободный от земного груза.

И птица Феникс ожила!
Умчит её крылатый Гений
Из мира тяжести и зла
В края воздушных песнопений...

Никто б не мог любить сильней!
Но лишь собой была богата.
На долю доставались ей
Не абсолюты – суррогаты.

В душе, казавшейся родной,
Таилась хитреца и хилость.
Там клетки не было грудной,
Куда б её душа вместилась.

В руке лишь пепел от огня.
С небес на землю возвращенье.
С обложки «Красного Коня»
Она снимает посвященье.

Сергей Волконский

В тёмных прядях – нити седины.
Взгляд очей тяжёлых карь и пристальн.
Олицетворенье старины.
Дон-Кихот. Потомок декабриста.

Княжеское гордое лицо.
В нём она почувствовала сразу
Мудрый мир старейшин и отцов,
Уходящей благородной расы.

О, какой бесценный это клад,
Внешне невещественный, незримый.
«Человеком на высокий лад»
Стал он для восторженной Марины.

Тяжкий грохот Красного Коня,
Ускаавшего по тропам горным,
Вдруг сменился тихим часом дня,
Часом ученичества покорным.

Роскошь душ и пиршество умов.
Слушание жадными ушами.
Переписка трёх его томов –
Сладкий долг, уроки послушанья.

Сколько надо было разгрести,
Отмести всё то, что было лишним
От её неполных тридцати
До его шестидесяти с лишним.

Не сказать, чтоб он её любил,
Но уже сдавался в поединке.
Скверный кофе желудёвый пил,
Сваренный ему на керосинке.

Расстоянье между визави
Одолела силой тяготенья,
Всею безответностью любви
И – добыла в вечное владенье!

Это чувство было без невзгод,
Выше всего женского-мужского.
Ещё долго-долго – целый год –
Не хотелось ей любить другого.

Абрам Вишняк

О прелесть хищника мужского,
Его ленивого броска!
Зевок звериный вместо зова
И флорентийская тоска.

Пустой орех, порожний колос,
Но как обманывает лоск!
И вкрадчивый, как полночь, голос,
И шерсть курчавая волос...

Он был животное, растение.
Стихи любил он, как духи,
Меха... Любовь была постелью
Без всякой книжной чепухи.

Блаженства чашу пил до донца,
Но с жизнью сердца не знаком.
И он тянулся к ней, как к солнцу,
Своим помятым стебельком.

Судьба таким не занозила
Душ ахиллесову мозоль.
Изнеженный, неотразимый,
Не знал он, что такое боль.

Она всего лишь жить пыталась,
Кроила пальцами в крови,
Чтоб выкроить хотя бы малость
Великой низости любви.

Слова-ладони гладят, поят,
Ласкают буквами в строке.
«Мне нужно что-нибудь живое».
Спала с письмом его в руке.

От нежности смежая вежды,
Ночами грезила, не спя.
Но жажда не была надеждой.
Она пила саму себя.

Системы не имел иммунной,
Как в пропасть, падала ничком,
И жилы превращались в струны
Рыдавшей скрипки под смычком.

Ей душно было в той постели.
Хотела вечного душа.
Всё кончилось через неделю –
Ей нечем было с ним дышать.

Александр Бахрах

О, как она ждала письма!
Так приговора ждут,
Пытаясь не сойти с ума
От тиканья минут.

Строки натянута струна
И сердце всё в крови.
Заочность – странная страна,
Страна её любви.

И материнская тоска,
И смута женских чар,
Сойдя с бумажного листка,
Слились в единый жар.

Её любовь – не пут зажим.
Сама себя лепя,
Она для тех, с кем сводит жизнь, –
Лишь повод для себя,

Лишь повод для своей души,
Забывтой долгим сном,
Как песня чудная в глуши
О тайном и родном,

Чтоб в раковине красоты
Таить мечту невстреч,
От скверны внешней суеты
Свой жемчуг уберечь.

Идёт волшебная игра.
Она творит свой миф –
Факир блокнота и пера,
На час ночной калиф!

О том, что над, о том, что всклень,
О том, что хочет куст.
Безмерность слов – всего лишь тень
Безмерности тех чувств.

И вот не даль уже, а близь.
В глазах – мерцанье звёзд.
Душа и молодость сошлись,
Двух абсолютов схлест.

Игра – как жизнь, игра – как рок,
Как инобытие.
Но ничего, помимо строк,
Не вышло из неё.

Ушёл тот миг, разоблачась,
Иным огнём гоним.
Был с ним её окончен час.
Осталась вечность с ним.

Константин Родзевич

Виновник обрыва на ноте высокой –
Иная в судьбе её роль.
Тот, прежний, был болью, а этот был только
Желаньем убить эту боль.

Стихов не любил её. Читил Гумилёва.
Бывал на войне и в тюрьме.
Студент-эмигрант, донжуан и гулёна,
А, в общем, себе на уме.

И снова слепая душевная трата,
Блаженная смута в крови.
Он был не вершинным заоблачным братом –
Любовником самой любви.

Простая мужская животная сила.
Не вздох – а ликующий крик.
Впервые земные слова находила,
Открыв средь морей материк.

Впервые открылось ей счастье счастливых,
Вкус хлеба – не пресных мякин.
Из сотен Пьеро – боязливых, слезливых –
Единый – за жизнь – Арлекин!

Письмо – сама жизнь, торжество и сиянье,
Как вызов попам и гробам.
Мираж, лишь на миг обернувшийся явью
И сладко прильнувший к губам.

Вершина любви обрывается в море.
Из клетки отпущен птенец.
Гора – её гордость. И горечь. И горе.
Гора породила Конец.

Рассталась навек, без надежды на встречу.
Расшиблась на полном скаку.
Ей нечем любить и надеяться нечем –
Разбитое сердце в снегу.

Но стиснуты зубы, и веки сухие.
Разбрасывать камни – пора.
Стихи – не нужны, остаются стихии:
Лавины, моря и ветра.

Борис Пастернак

Жажда ангельского, ту-светного.
«Дай мне руку на весь тот свет!»
Вся тоска всего безответного
Этот вымолила ответ.

Всех затмивший живых и умерших,
Он был с нею душевно слит

Всеми помыслами и умыслами,
Как Адам со своей Лилит.

Бог простил бы за эту боль её
Грех беспутства и зло измен.
Дом был долей, а он был волею,
Той, что счастьем дана взамен.

«Изначальные несовместимости –
Жить тобою и жить с тобой».
Пересиливала их мнимостью,
Высшей милостью и волшебной.

Осыпала, как снегом, стансами.
Целовала чернильный след.
Выколдовывала на станции,
Вызывая душу на свет.

И под всеми косыми ливнями,
Возле всех фонарных столбов –
Её оклик ночами длинными –
Его отклик на этот зов.

Довели до предела – спасу нет –
Одиночество и печаль.
Что ей делать, слепцу и пасынку,
Ночью плачущей без плеча?

Ей, незрячей, его, незримого,
По каким искать городам?
Сердце, посланное Мариною,
По стальным летит проводам.

Своего близнеца отыскивая
Средь штампованных постоянств, –
Страсть неистовая, неизданная,
Выше времени и пространств.

А свиданье висело в воздухе.
В далях таяло: «Где ты, друг?»
На том свете ей будет воздано
За крылатость воздетых рук.

Календарные даты путающая,
Срока ждёт она своего
И оглядывается в будущее
На несбывшегося его.

Райнер Мария Рильке

Старинный замок. Тихий сад.
В горах затерянная местность.
Светилась в голубых глазах
Таинственная неприметность.

Печаль полуприкрытых век.
Звучанье строк подобно флейте.
Кто – ангел? Богочеловек?
Орфей двадцатого столетья?

Их душ глубинное родство
Поэта сразу покорило.
На карте внутренней его
Была отмечена Марина.

Поверх барьеров и помех
О, как ей в грудь к нему хотелось!
Он был единственным из всех,
В котором всё сплелось и спелось.

Он был её живое Там,
Её заоблачное чудо.
И вновь несбыточным мечтам
Слепых надежд даётся ссуда...

Любви ненасытима суть.
Ей вечно платишь неустойку.
Сказать любимому: не «будь
Со мной», а «будь!» – и только.

Глаза в слезах, душа в цвету.
Длительность даль и боль – её призванье.
Свиданье душ «на тем свету»
Без признаков существованья.

Ладони никогда уже
Не лягут на земные плечи.
Попытка комнаты в душе –
Предвосхищение невстречи.

В отчаянье во тьму одна
Глядит бессонными очами.
Куда? Зачем? За что?! Стена.
Власть рока. Далее – молчанье.

Растёт и ширится тоска,
Стремясь из тела, как из склепа.
Но из земного тупика
Есть выход: в беспредельность неба.

Пусть не дано им счастье двух,
Но даль всегда встречалась с далью,
Простор – с простором, с духом – дух,
Печаль вселенская – с печалью.

Горит в раю его звезда.
В зрачки светил глаза упёрты.
Но ни на миг она тогда
Его не ощутила мёртвым.

Где жало, смерть, своё? Любви
Заоблачной сродни заочность.
Её небесный визави
Теперь читал её без почты.

И месяц, тайною томим,
Застыл в пространстве законном,
Как вечный памятник двоим,
Не встретившимся в мире оном.

***

Любящая, нелюбимая! –
Дышит болью каждый шаг.
То болезнь неизлечимая,
Называется душа.

О блаженство! О проклятие!
Набирала высоту.
Рук раскрыленных объятия
Обнимали пустоту.

В безответном мире, где ни зги,
Ты высоким шла путём.
И серебряные дребезги
С неба сыпались дождём.

И от этой беспросветности,
От безлюбости земли
Устремлялась ты к ту-светности,
Сладко брезжущей вдали.

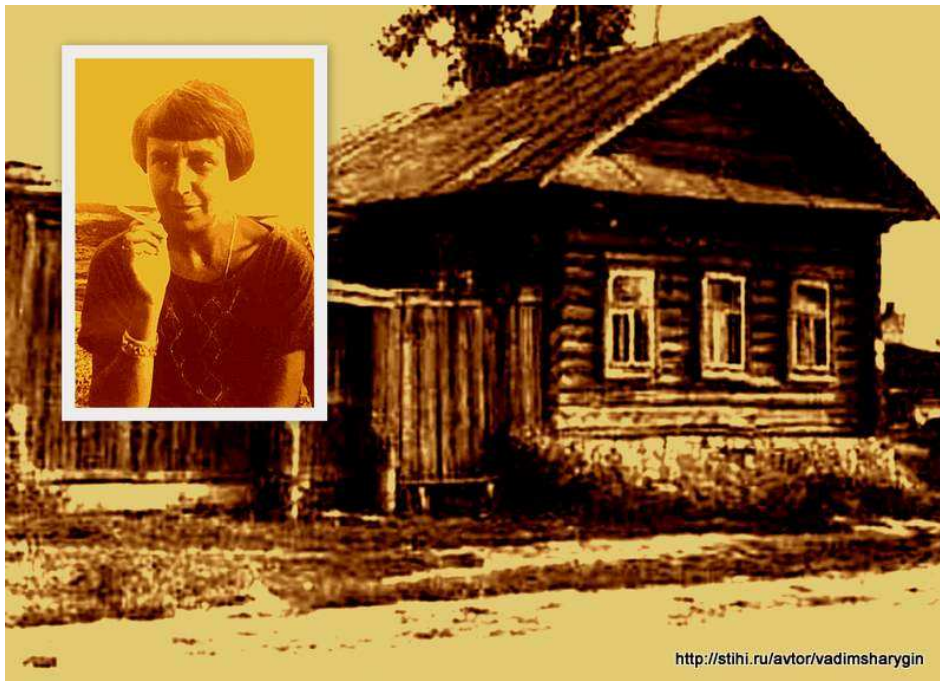
***

Доживать – дожёвывать горькую полынь...
Лучше – след ножовый уж, мертвенная стынь.

Нет вопроса вздорного – быть или не быть.
Точит мысль упорная – где бы крюк забить.

Заглянув бестрепетно в прорези зари,
Ты ушла бессмертной, в небо воспарив,

В тишину упавшую строки прохрипя,
Удавить не давшая родине себя.

***

Страна её убивала.
Затягивала петлю,
Скамью из-под ног выбивала.
Никто не сказал: «люблю».

Никто не раскрыл объятья,
Никто не расправил крыл.
И розового платя
Никто ей не подарил.

Но силу в себе растила,
Отринув и смерть, и страх.
Страна её не вместила
И вытеснила в астрал.

***

Не чета она роду людскому,
Заскоружлым его племенам,
А небесному или морскому,
Занесённая бурей к нам.

Ни в телесной земной оболочке
Не вмещала просторы свои,
Ни в пределы написанных строчек,
Ни в прокрустово ложе семьи.

Ни приюта себе, ни ночлега,
Ни единства с душою родной.
На шестые сорта человека
Выносило шальной волной.

И не души – а слабые душки
Ей встречались на тропах земных,
Что парили в пространстве воздушном,
Лишь пока она дула на них.

Наступала разлука, разруха,
Неизбежный для смертных предел.
На высоты вселенского духа
Вместе с нею никто не взлетел.

***

«Всю жизнь напролёт пролюбила не тех», –
Мне слышится вздох её грешный.
Что делать с тоской безутешных утех,
С сердечной зияющей брешью?

Что делать с расплатой по вечным счетам,
С ознобом нездешнего тела?
Любила не тех, и не так, и не там...
Иначе она не умела.

У гения кодекс иной и устав.
Он золото видит в отбросах.
Любить... Но кого же? – мы спросим, устав.
Пред ней не стояло вопросов.

Ей жар безответный в веках не избыть.
Любой Гулливер с нею – хлюпик.
О, если бы так научиться любить!
С тех пор так никто уж не любит...

